

Борис КОРНЕВ

Тайна «пылающего Разума»

(Гийом Аполлинер. «Прощание»)

Эссе

Ce qui fait le beauté des choses est invisible.

*Antoine de Saint-Exupery. Le Petit Prince*¹.

Вчера весь день трепались по-французски. Чтобы не заснуть, почти ничего не ели, пили чай с сухками и болтали. Просто болтали обо всём, что придёт в голову. За два дня вспомнить литературу нескольких веков - всё равно нереально. Зато можно успеть набраться слов, оборотов, целых кусков, пригодных для описания творчества любого прозаика или поэта. Этакая суррогатная филология. «В своих произведениях он безжалостно бичует человеческое лицемерие», «срывает покровы», «пишет яркое полотно, пронзает и т.п. »...

Приятель вырубился первым, под утро заснул и я. В десять нас разбудил телефон. Звонили из школы. Секретарь директора предлагала прийти на экзамен. «Вот тебе раз! Видимо, не готовы те, кто должен был явиться в первую смену. Нам-то к двенадцати... Мы - хорошие!» Решили проявить героизм, вдруг зачтётся.

Мне тогда жутко не повезло с билетом. Все французские поэты девятнадцатого и двадцатого веков. Это человек двадцать, не

¹ «...самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами». Сент-Экзюпери А. *Маленький Принц*. «Маленький принц. Военный лётчик. Планета людей. Письмо генералу Х.»/Сост., вст. ст. Б.Л. Губмана/ пер. Норы Галь и А. Тетеревниковой/ : -М. Высшая школа, 1992, -336 с.

меньше. Ничего себе вопросик на экзамене по французской литературе! Нет, чтобы какой-нибудь роман Бальзака... И почему все поэты в кучу? Должно быть, по сравнению с французской прозой их общий листаж слишком мал. Да мне всё равно! Так и так никого толком не знаю. Вообще тогда не любил стихи. Лучше уж проза! Бальзак, Флобер, Стендаль, на худой конец Гюго.... Но чтобы Рембо, Верлен, Элюар, Арагон, Превер... Символисты, постсимволисты, экзистенциалисты, сюрреалисты, поэтические реалисты... Боже упаси от такой напасти! Наизусть вообще старался ничего не учить. Если уж очень требовалось, то ладно: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её нужно так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...», «Погиб поэт, невольник чести...», монолог Сида у Пьера Корнеля или из Бомарше речь Фигаро на суде... Остальное забыл. Да, ещё недавно Аполлинера достал и выучил два стихотворения.

Как быть? Нужно ведь что-то говорить. Вспомнил, как в старших классах на уроках русской литературы учительница с материнской нежностью относилась к переживаниям юношей, вечно краснеющих из-за переизбытка гормонов или от отвергнутой любви к однокласснице. Бывало, вызовёт к доске - иду, как на казнь, но уверенно, твёрдой походкой, с гордо поднятой головой. Пройду полпути, остановлюсь, голову опущу, покраснею, рукой махну... Мол, всё равно не поймёте! И такое обилие чувств тотчас проявлялось на моём лице! Учительница проникалась жалостью и тихонечко, чтобы никто не услышал, произносила: «Садись дорогой, в следующий раз расскажешь...» Правильные учителя были. Ранимую юношескую душу оберегали. А вдруг у меня чувства? Вдруг первая любовь?

Короче. Назвал я кого помнил, фамилий пять-шесть французских гениев и не знаю, долго ли говорить ерунду про каждого. Быстро

почуют неладное. Следует попробовать их чем-то скрепить. Произнёс скороговоркой заранее заготовленные умные фразы, они ведь для всех годятся. У экзаменаторов - а это были наши учительницы французского языка - уже сформировалось устойчивое ощущение, что парень вопрос знает, говорит чётко, с пониманием сути...

Вдруг голос юноши сорвался - это все должны были заметить - и полилась музыка...

Sous le pont Mirabeau coule la Seine

Et nos amours

Faut-il qu'il m'en souviene

La joie venait toujours après la peine

Vienne la nuit sonne l'heure

Les jours s'en vont je demeure...

Passent les jours et passent les semaines

Ni temps passé

Ni les amours reviennent

Sous le pont Mirabeau coule la Seine²

(Под мостом Мирабо тихо Сена течёт./И уносит нашу любовь.../Я должен помнить: печаль пройдёт/И снова радость придёт/И ночь приближается, пробил час/Я остался, а день угас/...Проходят сутки, недели, года.../Они не вернутся назад./И любовь не вернётся... Течёт вода/ Под мостом Мирабо всегда.../)³.

В школе Аполлинера не давали. Первая книжка переводов его стихов появилась в «Доме книги» на Невском всего за несколько месяцев до экзаменов. Его и во Франции-то вспомнили лишь в конце

² здесь и далее: Guillaume Apollinaire. *Œuvres poétiques complètes. Édition de Paris. Gallimard. Collection Bibliothèque de la Pléiade. 1956.*

³ здесь и далее: Гийом Аполлинер. *Стихи. Пер. М.П.Кудинова. Москва. Наука. 1967.*

сороковых, через тридцать лет после смерти. Кстати, тогда же реабилитировали и стихи Бодлера, осуждённые ещё при правлении Луи Бонапарта. После войны, видимо, что-то пробудилось в сознании и в сердцах чувствительных к лирике. Как же иначе? После Франсуа Вийона прошло полтысячи лет, а во Франции лишь немногие могли творить песни с таким же лирическим зарядом.

А нам, третьему выпуску первой в Ленинграде французской школы, как ни покажется странным в год юбилея Октябрьской революции, было интересно всё, что запрещено, не разжёвано и в рот не положено, то, что невидимо или забыто! «Оттепель» или просто возраст такой... Мы прогуливали математику и, забравшись на чердак школы, зачитывались Бальзаком и Флобером, восхищались успехами молодого Растиньяка и уловками мадам Бовари, говорили исключительно учтивыми фразами из Дюма и заучивали наизусть полюбившиеся монологи Сида и Фигаро. Порою, не зная точного перевода, кожей чувствовали текст Корнеля и Бомарше. Даже перед самыми экзаменами мы, как ошалелые, по несколько раз смотрели «Шербурские зонтики» с Катрин Денёв и ленту «Искатели приключений» с Аленом Делоном и Лино Вентурой, зачем-то читали Бодлеровские «Цветы зла» и только что появившиеся «Алкоголи» Аполлинера... И уж совсем напрасно тратили время на «Поэтику» Аристотеля, «Принципы и начала» Бэкона с его материей, которая кому-то там «улыбается своим поэтически-чувственным блеском...»⁴.

Внезапные печальные аккорды, вырвавшиеся из глубин юной души, учителей растрогали. Нехитрые слова и простые образы, воспроизведённые юношеским баритоном в захватывающем ритме, проникали прямо в сердце, создавая завораживающее лирическое

⁴Маркс К. Энгельс Ф. Святое семейство. // Маркс К. Энгельс Ф. - Соч. - 2 изд. - Т. 2. - М. Политическая литература. 1955-74 г.г.

настроение. Я читал не «с выражением», как принято, а с чувством. При этом старался выказать его во всей полноте. Будто это моя любовь утекает под мостом. Словно это «я остался, а день угас...». И так мне стало мутно от этого «тягучего сиротства»⁵, что я махнул рукой, умолк и отвернулся к окну...

Помню, тишина в классе была жуткая. Пожалуй, с минуту. Даже муху услышал, как она бьётся о стекло...

Другой раз Аполлинер пришёл мне на помощь лет через пять, на последнем курсе универа. Осень. Общежитие. Танцы. Девушка... Раз танцуем, два, три... Не останавливаясь, медленно передвигаемся, что-то шепчем друг другу, и никого вокруг для нас нет... Как ударило что-то! Дай, думаю, стих прочту. «Прощание» Аполлинера. Во-первых, знаю. Уже редкость! Во-вторых, хочется блеснуть. Чем чёрт не шутит, вдруг удивлю? Или это делать несвоевременно? «Несвоевременность - вечная драма, где есть он и она...»⁶.

Оказалось: всё вовремя! Через год женились...

С тех пор это маленькое творение для меня не просто музыка. Судьба!

J'ai cueilli ce brin de bruyère
L'automne est morte souviens-t'en
Nous ne nous verrons plus sur terre
Odeur du temps Brin de bruyère
Et souviens-toi que je t'attends

⁵ «Вспоминаешь ли ты о тягучем сиротстве вокзалов?»... Г. Аполлинер. Путешественник. По изданию: Гийом Аполлинер. Стихи. Пер. М.П.Кудинова. Москва. Наука. 1967.

⁶ И. Тальков. Летний дождь. Из альбома «Моя любовь». 1993.

G. Apolliner. L'adieu.

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Есть прекрасные строки у московского поэта-переводчика Михаила Кудинова. Его «Прощание», на мой взгляд, самое лиричное и самое пронзительное. Прелестна рифма: «осень мертва» - «шуршит трава». А какая смелая замена! У Аполлинера (*подстрочный* перевод): «Запах времени - стебель вереска». В оригинале, конечно, никакого тире нет. У Кудинова - «Аромат увядания. Осень мертва». Тоже без тире. Через точку! Поставить тире - сузить рамки художественного полотна. И нет никаких «помни», «не забудь». Зачем? Ведь вторая строка - «на земле - ты должна понять...» - уже всё об этом сказала.

Всё-таки что-то гнетёт и гложет. Остаётся какая-то тяжесть. Действительно, зачем дважды в переводе звучит слово «встреча»? В оригинале его нет вообще. Там - «увидимся». Это же разные слова! «Встретиться» - значит оказаться рядом. «Увидеть» - воспринять зрительно глазами. Более того, у автора «увидимся» связано с местом (*sur terre* - на земле). «*Nous ne nous verrons (увидимся) plus sur terre...*» По-моему, совсем не случайное дополнение. Немного странные слова: «На земле - *ты должна понять* мы не встретимся больше...» придают сюжету совсем иную окраску. Сразу хочется спросить: «Может, где-то всё-таки встретятся, пусть не на земле, пусть на Пер-Лашез, пусть через тридцать восемь лет?..»⁷ Ведь можно встретиться, не *увидев* друг друга! Кроме того, теперь получается, будто это Аполлинер кого-то не любит. Мол, наступила осень, и его любовь прошла... Автор перевода чуть ли не убеждает возлюбленную поэта, что они больше никогда не встретятся. Согласитесь, нарушается логика. Зачем же он тогда будет ждать встречи?

Пожалуй, вернее всего в словах: «ты должна понять» - последний аргумент любящего мужчины. Слово он не убеждает, а упрощает: «Пойми, мы же теперь не встретимся! Да, ты меня не любишь, но ведь из-за этого мы больше никогда не встретимся... Разве ты не понимаешь, как это ужасно? Ты *должна* это понять!»

Тем не менее, Михаилу Кудинову удалось сохранить и мелодию стиха, и его ритм. Осталась и загадка автора. К кому он обращается?

Срываю вереск. Осень мертва.

На земле - ты должна понять

Мы не встретимся больше. Шуршит трава

Аромат увядания. Осень мертва.

⁷ Гийом Аполлинер похоронен на кладбище Пер-Лашез в 1918 году, Мари Лорансен - в 1956-ом там же.

Но встречи я буду ждать.

(Г. Аполлинер. Прощание. Пер. М. Кудинова)

Так с кем же говорит Гийом Аполлинер?

Одни полагают, что «Прощание», изданное в апреле 1913-го, словно эхо, пролетевшее сквозь десятилетие, вновь, как и стихотворение «Ключ» 1903 года, обращено к памяти великого Виктора Гюго... А «ветка вереска» и в том, и в другом произведении поэта - ожидание бытия после смерти, некий символ вечности⁸.

Кто-то увидит в строках «Прощания» первую любовь поэта к Марии Дюбуа, они расстались осенью 1899-го. Другие вспомнят томную и тихую красавицу, шестнадцатилетнюю Линду Молина да Сильва. Тогда, в конце лета 1901-го года, чувства Аполлинера вновь станут безответными. Третьи подумают о его большой и трагической любви к англичанке Анни Плейден. Она ехала в Америку в 1905 году. И тоже осенью...

А представьте: Он - Гийом Аполлинер, Она - художница Мари Лорансен. Осень. Вереск. Это вечнозелёное очаровательное растение долго сохраняет своё цветение, а его оттенки так напоминают акварели Мари!.. В 1907-ом их познакомил Пикассо, и последние пять лет они безумно любили друг друга. Как вдруг! «Мы больше не увидимся на земле» (подстрочный перевод)... Почему? Любовь Аполлинера снова безответная или оба любят друг друга, но существует непреодолимая преграда? Увы! И эта возлюбленная покидает поэта. А через год, за несколько дней до начала войны, она выйдет замуж за немецкого барона...

⁸ Arnaud Laster. «L'Adieu» d'Apollinaire: un hommage à Victor Hugo?». *Que Vlo-Ve? Bulletin international des études sur Apollinaire. Série 2 N10 avril-juin 1984 pages 11-16.*

И всё-таки разгадка кроется в другом, вовсе не в расставании Аполлинера с его возлюбленными Мари или Линдой, Анни или Марей... Острота личных переживаний поэта уже достаточно выразительно была излита в стихотворениях «Мост Мирабо» и «Мария». В «Путешественнике», он сообщает своим стихам уже совсем эпический размах, представляя личную драму лишь, как одно звено в цепи неотвратимых изменений. «О, откройте мне дверь, я стучусь в неё плача. / Словно воды Эврипа⁹, изменчива жизнь... / ».

Думается, и в коротком «Прощании» всё не так очевидно. Память о великом писателе, любовь, расставание... Где же ключ к шифру? И вот здесь вновь вернёмся к аполлинеровскому «помни». В оригинале стиха дважды звучит не «должна», а именно «помни». Во второй строке: *L'automne est morte souviens-t'en*. И в конце: *Et souviens-toi que je t'attends*. Осень мертва - *помни!* Я тебя жду - *помни!* Это дважды повторяющееся слово в зарифмованных строках разрывает привычную простоту восприятия. Ах, уж это нехорошее слово «должна»! Ведь оно может быть обращено только к человеку...

Читаешь оригинал, слышишь мелодию стиха и, кажется, что автор говорит вовсе не с человеком, не с разлюбившей его женщиной... Нет же в стихотворении ни единого слова про любовь, тоску, печаль, расставание... Но с кем тогда? А может, с чем? С изменчивой осенью, с запахом времени, с ароматом увядания?.. В 1913-ом году источник аполлинеровской печали - уже вовсе не отвергнутая любовь и не воспоминания об ушедшем писателе. Для него это быстрая река жизни: поток невозполнимых утрат, преходящих радостей, остывших страстей...

⁹ Эврип - образ из полумифологической географии - коварный пролив, где семь раз в день меняется течение.

Помните аполлинеровские строки, которые незадачливый ученик прочитал на выпускном экзамене? *«Проходят сутки, недели, года.../ Они не вернутся назад./И любовь не вернётся... Течёт вода/Под мостом Мирабо всегда.../»*

Вот также уходящий день, каждый его закат неслышно ложится на землю, неся с собой «хоть минутную - всё же, утрату»¹⁰. Иной раз хочется остановить время и насладиться иллюзией ещё не развеянных мечтаний! Но *«...не придумано аркана,/Чтоб удержать мгновений бег./К чему ж крушиться постоянно:/“Где ныне прошлогодний снег” /»*¹¹ Красота живёт мгновенье! Увы, таков закон судьбы! Аполлинер это чувствует, понимает и поднимается над событиями личной жизни. Скорбь разлук и восторг свиданий он превращает в яркий поэтический образ - «запах времени» - поток бытия и придаёт ему неповторимый колорит, глубину и драматизм. Читаешь его строки и слышишь шелест сухой травы, вдыхаешь осенний аромат увядания, кожей пальцев ощущаешь хрупкий стебель вереска, сердцем чувствуешь утраченную любовь...

Теперь становятся понятными и другие слова: *«Nous ne nous verrons plus sur terre»* (подстрочный перевод: *«на земле мы не увидимся больше»*). Поэт говорит... с веткой вереска - запахом времени! Пройдёт год. Он всё унесёт с собой, и плохое, и хорошее. На месте сорванного стебля появятся новые побеги, и жизнь вновь расцветёт красками густых соцветий - лилово-розовых, пурпурных, белых, золотистых... Из прекрасного явления природы цветок превращается в символ, соединивший и идею, и образ. А пока... Пока эта надорванная

¹⁰ Игнатъева Е.Ю. В начале века: Книга стихов. //«Вечереет. Прохладой унылой...» - СПб., «Петрбук», 2014. - С.41. *«Там, над лесом - чуть лучики дышат,/Израстая в прожилках заката,/И ложится на землю неслышно/Хоть минутная - всё же, утрата//»*.

¹¹ Франсуа Вийон. Баллада о дамах былых веков. Франсуа Вийон. Сочинения. В пер. Ю.Б.Корнеева. СПб., «Искусство- СПб. 1996.

ветка будит воспоминания об ушедшей любви и о давно утраченных грёзах. Ведь её нежные цветы так долго не увядают! Но рано или поздно опадут и они, напоминая о бренности жизни, о быстротечности чувства, о вечном движении от одного мига к другому.

Не могу не вспомнить два других перевода строчек аполлинеровского «Прощания». Автор первого - Александр Побожев.

Я вереска сорвал побег
Вздохнула осень умирая
Для нас с тобой земной прервался век
Как запах времени тот вереска побег
И помни, что я встречи ожидаю.

Пер. А. Побожева¹²

Тут тоже льётся мелодия. Но, увы! По-моему, не так, как у Аполлинера. Неудачно зарифмовано «умирая» - «ожидаю» и всё как-то слишком плавно. Чего стоит одно деепричастие «умирая»! Хотя «*Земной прервался век...*» здесь красивее и философичнее, чем у Кудинова: «*На земле мы не встретимся больше...*»

Автор другого перевода - петербургский детский поэт и переводчик Михаил Яснов:

Я сломил эту ветку вереска
Видишь осень мертва опять
Нам уже никогда не встретиться
Запах времени ветка вереска
Только помни что буду ждать

Пер. М. Яснова¹³.

¹² Александр Побожев. На сайте: «стихи.ру»

¹³ Михаил Яснов. Амбидекстр. Стихи. Переводы. ВИТА НОВА. СПб, 2010. Пунктуация сохранена по изданию.

Сразу замечу, что в оригинале тоже нет знаков препинания, но там нет и ни одной связки: «Только помни...» «*Видишь* осень мертва опять». Думаю, прикасаясь к «Прощанию» Аполлинера, как и в предыдущем случае, переводчику не надлежит пользоваться деепричастиями, связующими элементами речи, указывающими на последовательность слов, на интервалы во времени, на причинно-следственную зависимость... Никакие ухищрения подобного рода не восполнят потерю неповторимой аполлинеровской мелодии, утраченной из-за механистического подражания автору, осознанно исключившего пунктуацию. Они не расшифруют его идею, не прояснят ассоциированность разветвлений, по которым движется мысль. Напротив, могут лишь всё запутать.

Именно с этим случайно оброненным словцом-обращением «*видишь*» передо мной во весь рост встаёт кто-то ещё. Согласитесь, его появление ломает ритм. Всего-то пять строк! Любой лишний тон, полутон, даже сонант разрушают хрупкую конструкцию стиха, гасят накопленный в нём накал страсти. После того, как прозвучало это «*видишь*», появление слова «*опять*» и вовсе уводит читателя в Неизвестное. Оно заставляет представить невообразимое. Мол, это не осень каждый год, обрушиваясь на судьбы людей, опять и опять уносит с собой их мечты, устремления, печали... Совсем нет! Просто есть два человека: Он и Она. И над ними всесильный рок! Каждую осень, *увидев* сорванную ветку вереска, они расстаются, а потом, через год *опять* встречаются... «*Встречаются*», но не «*видят*» друг друга. Что за напасть - это слово «встреча»! Оно же во всех трёх переводах!

Поэзия коротких строк Аполлинера поддерживается не связующими элементами речи, не рифмой и даже не ритмом, не расставленными по правилам знаками препинания. Они в хрупком

единении эмоциональной насыщенности, выразительного построения и, что особенно важно, - ассоциативной образности. Именно в ней зашифрованы воспоминания автора о пережитом. Эти строки лучше постигать сердцем, как музыку, сколь возможно отождествляясь с личностью поэта. Так, как это делал популярный французский поэт и композитор Лео Ферре. И ещё! Тысячу раз прав был Экзюпери, когда говорил: *«самое прекрасное... то, чего не увидишь глазами»*. Несомненно, в красоте «Прощания» Аполлинера тоже есть своя тайна, невидимая читателю. Он может лишь смутно угадывать её в звучании завораживающего ритма обрубленных строк. А их аскетическая оголённость бьёт наотмашь, не оставляя времени на поиск ключа.

Справедливости ради скажу, что негативные сентенции относительно рока, наверное, возникают только в моём воображении. А слова «видишь» и «опять», вызвавшие вначале отторжение из-за их несоответствия стилю автора, может быть, потребовались переводчику лишь для рифмы?

Не могу спокойно читать переводы Аполлинера...

Ревностно отношусь к любому новшеству, к каждому слову, к каждой запятой переводчика, замахнувшегося на творчество любимого поэта. В его поэзии мне слышны отголоски средневековой лирики Вийона, мотивы Парижских картин Бодлера и меланхолические нотки «чудовища одарённости»¹⁴ Рембо. Другой читатель найдёт в строках Аполлинера свою красоту, свою тайну. И в этом величие настоящего художника.

¹⁴ «чудовище одарённости» - слова Б. Пастернака о поэте Рембо в сборнике: Борис Пастернак. «Я понял жизни цель». Польша: Мари Верлен. М. Эксмо-Пресс. 2001.

Чтобы обновить вдохновение, сделать более свежим и живым, Аполлинер открывает новые пути и в своём творчестве обращается к изменчивой красоте и непостоянству природы. Мимолётные впечатления, исчезающие переживания... Рано или поздно всё, что мы пытаемся удержать и сохранить, утекает сквозь пальцы. Именно эта хрупкость делает нашу жизнь такой красивой. В мире замечательно именно непостоянство. Но там, где воцаряется хаос, умирает искусство. Хаос стирает все границы, отделяющие малое от большого, частное от общего, и воцаряется связь и равновеликость всего сущего... Нужен хоть какой-то порядок! Конечно, «порядок создается жизнью, но сам он жизни не создает»¹⁵...

Я попытался лишь чуть-чуть прикоснуться к пониманию короткого стихотворения и увидел, как опасен в искусстве "бросок в Неизвестность". Чтобы разрешить затянувшуюся распрю между традицией и «обновлённым вдохновением», Гийом Аполлинер пробовал, искал и «наяву и во сне» ждал восхода "пылающего Разума" ¹⁶.

¹⁵ «*La vie crée l'ordre, mais l'ordre ne crée pas la vie.*» Antoine de Saint-Exupéry. "Lettre à un otage". Сент-Экзюпери А. Письмо заложнику. Сочинения. - М.: Книжная палата, 2000. - с.313-326.

¹⁶. «Солнце! Разум пылающий всходит. И я в нетерпенье жду его наяву и во сне...». Г. Аполлинер. Рыжекудрая красавица. По изданию: Гийом Аполлинер. Стихи. Пер. М.П.Кудинова. Москва. Наука. 1967.